

16. ОЛЬГИН КОВЧЕГ

Каждую весну, когда в Беларуси разливаются реки, традиционно затапливая поймы, приречные деревни и поля, я боюсь, что большой начальник, очередной раз посетив со свитой «наводнение», объявит воду врагом народа и страны. И тогда случится национальная катастрофа.

Никогда не забуду, как в деревне Ладорож Пинского района старик в кирзовых сапогах, галифе и потертом пиджаке с орденскими планками кричал из толпы сочувствующих односельчан:

--Заберите от нас эту проклятую реку! Она заливает огород и погреб. Надоело мучиться. Не надо нам эта река!

В деревню приехал инженер-мелиоратор, чтобы народным мнением обосновать проект спрямления полноводной реки Стыр, впадающей в Припять. Ладорожане поддержали технократа-проходимца, обещавшего взять с осушенной речной поймы много хлеба, мяса, молока и накормить их. Они попросили перенести от деревни реку Стыр, каждой весной затапливающую часть приусадебных участков.

--Почему вы построили свой дом так близко у реки да еще в низине? -- спросил я агрессивного старика.

--Больше в деревне не было плаца.

--А вот там, у леска? Высоко, красиво, и река не подберется...

--Везде осушили, а у нас нет. Что мы, хуже? -- злобно выкрикнул старик, не отвечая на конкретный вопрос.

Когда-то ладорожане поселились при реке как источнике жизни, современные ладорожане воспринимают реку как причину своих жизненных невзгод. Естественный мир перевернулся.

Если представить, что древние цивилизации начинались бы с обвалования рек Тигр, Евфрат, Нил, Ганг, с осушения их долины, -- цивилизации не укрепились бы на планете. Однако спрямление белорусской Припяти -- не бред, но практика двадцатого века.

За пятьдесят лет в стране канализованы практически все малые и средние рек. Без избытка вод, характерного для Беларуси полвека назад, белорусы сделались иными. В деревне Ладорож я увидел, как нечто существенное выливается из белорусской души.

Чтобы определить, что безвозвратно выливается из сосуда под названием «белорус», надо знать, что в нем было. Лучше всего это можно понять во время весеннего половодья, скажем, в деревне Старица на родной мне Брестщине.

Большая деревня цепочкой усадеб вытянулась по берегу еще глубокой, но уже не проточной старицы Западного Буга. До главной реки от деревни километров пять пойменного луга, заставленного редкими, как в саванне,

вековыми дубами. Если бы не дубы, весной луг полностью походил бы на море, по нему ветер гнал настоящие волны.

Деревенский берег был круче пойменного, что по ту сторону старицы, однако море все равно поднялось к порогу Ольги Афанасьевны. В пороге торчал железный крюк, к нему была привязана веревкой деревянная лодка-плоскодонка.

Утром худощавая семидесятилетняя старуха выходила из хаты, поставленной на высокий каменный фундамент, прямо с порога ступала в лодку. Отталкивалась веслом о дно, плыла двадцать метров к сараю. Черный сарай возвышался над голубой водой, как Ольгин ковчег, взявший на борт корову Милку, свинью Чернушку, петуха Красавца и десять безымянных кур. Без бабы Ольги в ее ковчеге наступил бы мор, водным путем она доставляла туда корм.

Задав корм свинье, курам и петуху, баба Ольга выпускала из сарая корову. Милка осторожно ступала по наклонному помосту к морю, смело лезла в воду, достающую ей до брюха, ждала, пока хозяйка накинет ей на рога веревку, привяжет к лодке.

Отталкиваясь веслом, Ольга Афанасьевна правила лодку к полузатопленной калитке, к выходу с усадьбы. Корова брела следом, зная, что вода сменится лужком на бугре, где хозяйка привяжет ее к колышку. К началу июня Милка выщиплет траву на островке. К тому времени освободится от воды, зазеленеет-зацветет море разнотравья на той стороне старицы, куда Милка привычно переплывет следом за бабкиной лодкой.

...Оставив Милку на островном лужке, Ольга Афанасьевна приплывает домой, причаливает к порожку, на котором ее встречают десять кур во главе с петухом Красавцем. Им надоело сидеть в сарае. Не дождавшись конца половодья, они устремляются к солнцу. От сарая к хате куры перелетают над водой с истошным криком. Когда наскучит на пороге, летят к забору, сидят там рядком, как ласточки на проводе.

--Бедные куры! -- посочувствовал я. -- И так -- каждую весну мучаетесь, когда река разливается? -- спросил Ольгу Афанасьевну.

--Каждую весну, -- подтвердила она. -- Как река подойдет к порогу, так я порадуюсь. Ну, думаю, надо ждать богатое лето, на той стороне вырастет густая трава, в старице сменится вода, не будет цвести, морить рыбу. У нас в деревне все ловят рыбу, и себе, и продать. Мы все ждем высокую воду, -- сказала она, не уточнив, кто «все», но я предположил, что Ольга имела в виду и рыб, и кур, и корову, и себя, конечно. -- Воды боится колхоз. В этом году река стоит у нас до июня, пастбище за старицей под водой, пасти колхозных коров негде, голодают, режут в сарае, слышу, и душенька болит...

Рев коров я слышал, когда ехал к бабе Ольге. Лето, солнце, пчелы, цветы, ребятишки, птицы!.. Но нет в природе радости и вольности, когда на колхозной ферме режут голодные коровы. Душа болит.

--Западный Буг часто задерживается у вас до июня? -- спросил я председателя колхоза, толстого, простецкого вида мужчину лет пятидесяти.

--С периодичностью один раз в пять-семь лет, -- ответил он строгим научным слогом.

--Значит, продолжительное половодье для вас привычно?

--Привыкнуть к беде психологически невозможно!

--А практически?

--Что имеется в виду?

--Заготовить и заложить на складе побольше сена. Луг залит -- не беда. Коровы стоят в сарае и жуют сено.

--Позвольте вам напомнить: у нас семь тысяч голов крупного рогатого скота! Сена с трудом хватает до начала мая. Пойменные угодья Западного Буга не обладают кормовой емкостью, необходимой для эффективного развития нашего хозяйства. Чтобы содержать семь тысяч коров, необходимо построить защитные сооружения от паводка, зарегулировать водотоки, провести перезалужение поймы...

--Не целесообразнее ли избавиться от коров? -- разрушил я стандартный ход его мыслей. -- Ваше хозяйство обладает несметным богатством -- водой. Выращивайте рыбу. Накормите, наконец, белорусов рыбой, ее катастрофически недостает белорусскому рациону.

--Рыба?! -- Его глаза округлились от недоумения, будто он услышал иноземное слово. -- А кто нам позволит изменить специализацию хозяйства?

--Природа.

--Вы -- рупор наивных зеленых, оторванных от реалий жизни! -- оборвал наш разговор председатель колхоза, толстый, как кабанчик бабы Ольги, но явно тупее каждой отдельно взятой курицы, которую жизнь научила летать. Судя по всему, он не умел ни летать, ни плавать. Удивляюсь, как таких земля носит!

Расскажу анекдот по водной теме. На одесской набережной стоят два еврея и слушают, как в море тонет мужчина. «Help! Help!» -- отчаянно зовет несчастный на помощь. «Вот зараза, -- говорит еврей еврею, -- когда вся Одесса училась плавать, он учил английский язык».

Председатель приречного колхоза -- вот зараза куда в большей степени. Сам тонет и местный люд за собой тащит. В то время как деревня Старица приспособливается к половодью, радуется воде, смолит лодки, промышляет рыбой, -- председатель учит затратную советскую экономику и примитивную мелиорацию. Ради коров недалекий хозяйственник вынашивает планы уничтожения Западного Буга и его заливной поймы, чтобы у нас не осталось ни воды, ни травы, ни рыбы, ни мяса.

Пограничный Западный Буг спасло то обстоятельство, что река принадлежит не только белорусам, но и полякам. Это не позволило нашим зеленоненавистникам, точнее, серым, единолично установить на своей стороне режим хищнического природопользования, потому что таковой неизбежно затронул бы польскую сторону.

Деревня Старица, давным-давно поселившись у воды, не расплескала, до сего дня донесла в себе национальное восприятие воды как удовлетворенности, но не горя. Молиться надо на ее жителей!

Лето 2003 года было жарким. Люди стремились к воде, чтобы искупаться, охладиться. Насладиться природой. На берегах озер, водохранилищ, рек их встречали таблички «купаться запрещено». Кто пренебрегал запретом и лез в воду -- вылезал покрытый сыпью. Вода сделалась опасной для жизни. Водоемы и реки Беларуси потеряли полноценное рекреационное и рыбопродуктивное значение.

В марте 2004 года 211 белорусских рыболовов-зеленых обратились с открытым письмом к президенту, к министру природных ресурсов, к общественности. Подтвердив фактами повсеместное загрязнение озер и рек промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, зеленые предложили комплексную программу для срочного спасения водоемов страны и возобновления рыбных запасов.

Содержание отчаянного письма не являлось для меня новостью. О деградации белорусских вод в мае 1974 года я опубликовал в журнале «Неман» очерк «Путь воды», в апреле 1975 года -- очерк «Голубая нива». Молодой человек жаждал лучшего, светлого, чистого. Увы, через тридцать лет вижу, что пришло и укоренилось худшее, темное, нечистое. Путь воды белорусской -- это путь грязи человеческой.

Причину порчи наземных вод врачи-эпидемиологи объясняют ... жарой. Вода, дескать, прогрелась солнцем больше обычного, что стимулировало бурный рост бактерий, микроорганизмов, которые «едят» человека живьем. Что касается запрета купания в озере Нарочь, там спецы обнаружили экзотику: водную «жемчужину» якобы заразили дикие утки, а жаркое солнце усугубило болезнь.

Не отрицая выводов санитарно-эпидемиологических служб, осмелюсь заступиться за Светило. Вода и солнце! Нет ничего прекраснее, если они с тобой вместе и одновременно. Вода и солнце создают на земле рай, который в моем детстве ежегодно наступал в середине мая и заканчивался в сентябре, ближе к дню моего рождения. В зависимости от настроения и времени суток мы купались: в низинных лесных лужках, заполненных тальми водами и хорошо прогретых; в песчаных копанках, по краям заросших камышами, жутковатых и потому притягательных; в наичистейшей речке Винец, где имелись и теплые перекаты, и холодноватые вирусы...

Не зная меры, мы могли плескаться в воде до посинения губ, но никто и никогда не подхватил красных пятен на коже либо утиной сыпи, хотя дикие утки плавали от нас в десяти метрах. Неужели пятьдесят лет назад микроорганизмы и бактерии не любили жаркое солнце так, как бурно полюбили сейчас, когда прогоняют из воды человека? Не думаю. Просто вода была чистой.

От жары и активного движения нам постоянно хотелось пить. Из речки мы пили воду ладошкой, из копанки, рва или болота -- черпали шапкой и, поднеся ко рту отфильтрованную струйку, утоляли жажду. Вода была

божественной. Чистая вода родины — один из главнейших компонентов моего патриотизма. А шапка — важная деталь детства. Мужчины-попелушки, взрослые и маленькие, по вековой традиции носят шапки с козырьком и в жаркую погоду.

В начале шестидесятых годов на окраине Горска, на берегу чудесного купального лужка, колхоз поставил коровью ферму. От воды понесло смрадом. После осушения Польского болота все лужки быстро испарились. Следом за ними — копанки.

На берегу речки Винец, в деревне Подкраичи, колхоз построил три фермы — свиную, коровью и телячью. По реке поплыли комья навоза. Вода сделалась мутной, дурно пахнущей. Страшно и гадко совать в нее руку, ногу, о купании не могло быть и речи.

Вонючая речка Винец, превращенная мелиораторами в прямолинейный канал, понеслась в спрямленную, загаженную навозом и пестицидами Ясельду и, объединившись с ней дурными водами, влилась в Припять.

И плыву я по Припяти на лодке, с ужасом смотрю на сухой берег, распаханый и засеянный почти до воды, вижу эрозийные рвы, по которым в Припять стекают ядохимикаты, минеральные удобрения. И представляю, как течет и течет это дерьмо в Днепр, чтобы задержаться Черное море и мировой океан, испариться в небо, сконцентрироваться в черной туче, подчиниться ветру, повиснуть над Беларусью, выпасть болезнетворным дождем в озеро Нарочь, соединиться с убийственными ручьями, текущими в озеро с прибрежных ферм и полей...

Круговорот воды в природе не прекратился. Глобальный водообмен на планете Земля продолжается. Раньше кружили воды чистые, теперь — грязные. В Беларуси уже заражены и опасны подземные воды. Ядохимикаты, внесенные под картофель на Польском болоте, обнаружены в антарктическом пингвине.

Сколько же грязи накапливается в людях, подключенных и к природному водообмену, и к массовым коммуникациям общества?! Иногда мне кажется, что воды делаются грязными потому, что протекают сквозь людей, загрязненных идеологией, невежеством, серостью.

Не обижайтесь, люди, на бактерии и микроорганизмы, не позволяющие нам купаться в озерах, водохранилищах, реках. Они делают полезную работу: очищают воду, спасают нас от всебелорусского потопа грязи. Чистая вода — как белорусская идея. Пока бактерии не справятся с исторической задачей, на берегах следует поставить таблички с честным, доходчивым текстом: «Купаться нельзя. Воду засрали».

24 мая 1409 года Великий князь литовский Витовт подписал дарительную грамоту костелу святой Девы Марии в Новых Троках (ныне город Тракай в Литве) на волость Бездежа (ныне деревня Бездеж Дрогичинского района). Когда я читаю витиеватый торжественный текст (с латинского языка на современный белорусский его переложил Владимир Свежинский), начинаю понимать, почему нормальная светская власть послана от Бога:

«У імя Госпада, амін. Аляксандр, інакш Вітаўт, Божай міласцю вялікі князь літоўскі і г.д. касцёлу святой Дзевы Марыі ў Новых Троках будынкі або маёмасць, а таксама воласць, якая называецца Бездзежа, якую годныя нашай веры Мешбуціс і Вашгірдас асвойвалі і засялялі, названыя будынкі разам з названай воласцю Бездзежа з усімі даходамі, платамі, чыншамі, падацямі, выгодамі, нівамі, лугамі, палямі, лясамі, зараснікамі, ажыннямі, дубнякамі, вербалозамі, рыбнымі сажалкамі, рыбнымі ловамі, балотамі, азёрамі, рэкамі, барамі, борцямі, пашамі, паляўнічымі ўгоддзямі, птушынымі ловамі, млынавымі запрудамі, водамі і іх цячэннямі, прасторамі і ўсімі дадаткамі, якія цяпер ёсць і ў будучым могуць з'явіцца, у карысць названых Мешбуціса і Вашгірдаса іхнія з названай воласцю Бездзежа, якую яны асвойвалі і засялялі, даём, даруем з усімі правамі гаспадара і ўласніка, а таксама надання вечна і незваротна...»

В старинном тексте меня восхищает подробность перечисления. Белорусский князь, исповедуя тогдашний менталитет, не оставил без внимания ни одного природного объекта, созданного Богом. Все-все в природе, даже течения вод и ландшафтные пространства, учитывалось государством, закреплялось за собственником, имело материальную цену. То есть использовалось. Значит, ради получения дохода поддерживалось в жизнестойком состоянии, в божьем виде.

Дарованная князем Витовтом вечность продолжалась до лета 1964 года, когда в окрестностях деревни Бездеж появился экскаватор и, лязгая гусеницами, сверкая ковшом, начал кромсать ландшафты и менять течения вод. На экскаваторе, сменяясь через неделю, работали два экипажа: первый -- Степан Козлович и мой отец Николай Михайлович, второй -- Сергей Чиж и я, вчерашний школьник, движимый, как все, пропагандистской сказкой в то, что мелиорация -- это улучшение земли. (Чтобы преодолеть веру в идеологизированную сказку, после окончания университета и двухлетней армейской службы мне, комсомольцу, понадобилось два года работы, 1971-1973, в "Сельской газете" в отделе механизации и мелиорации, когда я побывал на всех крупных мелиоративных объектах страны, увидел и почувствовал, что мелиорация в белорусском варианте -- зло.)

Осушительный канал мы рыли согласно проекту, разработанному в институте, утвержденному государственными органами. Мы двигались напрямик по болоту и ниве, по лугу и лесу, по малинникам и деревенским огородам, по птичьим гнездам и цветам-медоносам, по пастбищам и ручьям. В ручьях было много рыбы, ковш экскаватора выбрасывал ее вместе с землей, торфом, илом в жидкие отвалы, там рыбу откапывали жители окрестных деревень. Не могу забыть ту рыбалку: засыпанные землей лещи, караси, лини, щуки извивались, бились, земля шевелилась и дышала, как живая...

Все божье, что шесть веков назад по-хозяйски учел и поставил на пользу государству великий князь литовский Витовт, мы уничтожали, создавая сплошную "зону мясо-молочного скотоводства", игнорирующую белорусскую природу, местные традиции хозяйствования. Естественный ход истории нарушился потому, что советские князья московские и минские отобрали собственность у наследников Мешбутиса и Вашгирдаса, объявили ее всенародной, то есть ничьей.

Не от Бога та власть, которая руками народа лишает народ привычной среды обитания. А коль власть безбожна, то и неэкономична, неэкологична. Символ подобной власти — гигантская ферма, навязанная Беларуси коммунистической метрополией, поставленная на берегу реки или озера, заполненная непродуктивным скотом, не оборудованная очистными сооружениями, отравляющая почву, воду, воздух, скотников, доярок, стабильно убыточная, не способная создать продовольственное изобилие.

Вместо того чтобы ликвидировать животноводческого монстра с лица земли, в Беларуси решили его возродить. Следовательно, его придется кормить. Где же взять корма, которых хронически не хватает и для малых ферм? Следует осушить и занять зерновыми последние болота, перепахать и засеять травой речные поймы. Но что делать с проклятыми реками, которые каждой весной традиционно разливаются? Реки необходимо углубить, спрямить, огородить дамбами.

Такова логика протivoестественной, серой экономики, в результате которой в Беларуси за полвека высушено свыше 3 миллионов гектаров территории. “Мелиорированные” угодья превращаются в дюны, во вторичное болото, в бросовые пустоши, в большую яму (на объектах Польское болото, Случь, Березнянский, Черebasовский за двадцать пять лет эксплуатации поверхность полей понизилась до 0,7 метра).

В природе не бывает финала, так как одна экосистема сменяется другой, и нет конечной остановки. Воды текущие, превратившись в воды вонючие, несут нашу общую лодку к финалу как явлению цивилизационному.

9 марта 2004 года может стать для Беларуси роковым. Президент Александр Лукашенко в своей столичной резиденции объявил о снятии с должности губернатора Брестской области Василя Долголева, а заодно указал нам путь. Брестщина не прибавляет в экономике, в частности, в сельском хозяйстве. Так же -- Гомельщина. Чтобы прибавить, надо провести мелиорацию.

Дана высочайшая отмашка новому наступлению на природу. Мелиораторы, остановленные зелеными в конце восьмидесятых годов двадцатого века, дождались своего счастья. Не в их принципах реконструировать осушительно-разрушительные системы, вести дотошное экологическое прогнозирование. Они не научились восстанавливать реки и болота, не принимают абсолютной ценности чистой воды как здоровой крови. Уменьше и счастье белорусских серых -- в беспощадной войне с божьими “нівамі, лугамі, палямі, лясамі, зараснікамі, ажыннямі, дубнякамі, вербалозамі, рыбнымі сажалкамі, рыбнымі ловамі, балотамі, азёрамі, рэкамі, барамі, борцямі, пашамі, паляўнічымі ўгоддзямі, птушынымі ловамі, млынавымі запрудамі, водамі і іх цячэннямі, прасторами і ўсімі дадаткамі, якія цяпер ёсць і ў будучым могуць з’явіцца...”

Спастиць ешчэ можна, еслi перабраться в Ольгин ковчег.

2004